

Катерина Ивановна

Катерина Ивановна Мармеладова — полная противоположность Соне, «дама благородная». Она вся — сама жизнь с ее страданиями, ужасами и постоянной, ежеминутной борьбой. В этой женщине заключен громадный запас энергии, не позволяющей ей складывать оружие, заставляющей ее бороться до последнего дыхания. Ее гордость — воспоминание о том, как она окончила с золотой медалью дворянский институт и на выпускном балу при губернаторе танцевала. Из родительского дома бежала она с пехотным офицером, терпела от него побои, а когда он умер под судом за растраты, осталась «в уезде далеком и зверском» с тремя малолетними детьми. Видя ее всеми покинутою, Мармеладов, вдовец с четырнадцатилетней дочерью, «руку свою ей предложил». Она вынуждена была согласиться. «Плача и рыдая, и руки ломая — пошла! Ибо некуда было идти. Понимаете ли, понимаете ли вы, милостивый государь, что значит, когда уже некуда больше идти?»

Обстановка, в которой ей приходится жить и вести борьбу — безвыходная бедность, пьяный муж, уносящий из дому последние гроши, голодные дети, жалкое хозяйство, доходящее наконец до нищеты... Всем этим вполне объясняется та отчаянная жестокость, которая порой проявляется в Катерине Ивановне.

По Н. Дюнькину, А.Новикову, В. Максимова, С. Золотареву

Жена Мармеладова нарисована Достоевским более беглыми, но более характерными чертами. В ней страдание униженных и оскорбленных выразилось не в форме трогательных мечтаний и задушевного пьяного излияния, как у Мармеладова, а в форме безжалостно-сухого, безнадежно-реального резонерства. Священник, исповедовавший ее умирающего бедняка-мужа, пожелал было сказать два слова в утешение Катерины Ивановны:

«— Бог милостив; надейтесь на помощь Всевышнего, — начал было священник.

— Э-эх! Милостив, да не до нас!

— Это грех, грех, сударыня, — заметил священник, качая головой.

— А это не грех? — крикнула Катерина Ивановна, показывая на умирающего».

«И слава Богу, что помирает! Убытку меньше!» — заключает она свою надгробную речь мужу. До такой степени она подавлена безысходным ужасом и вопиюще несправедливостью своего положения.

Священник, очевидно для приличия, замечает, что «простить бы надо в предсмертный час».

«— Эх, батюшка! — с горькою насмешкой возражает она ему. — Слова, да слова одни! Простить! Вот он пришел бы сегодня пьяный, как бы не раздавили-то, рубашка-то на нем одна, вся заношенная, да в лохмотьях, так он бы завалился дрыхнуть, а я бы до рассвета в воде полоскалась, обноски бы его да детские мыла да потом высушила бы за окном, да тут же, как рассветет, штопать бы села, — вот моя и ночь! Так чего уж тут про прощение говорить! И то простила.

Глубокий, страшный кашель прервал ее слова. Она отхаркнулась в платок и сунула его на показ священнику, с болью придерживая другою рукой грудь. Платок был весь в крови.

Священник поник головой и не сказал ничего».

Даже когда умирающий, с усилием шевеля языком, хочет ей высказать свои последние чувства, ее сострадание к нему не находит другого выражения, кроме бранчливого крика.

«Катерина Ивановна, понявшая, что он хочет просить у ней прощения, тотчас же повелительно крикнула на него:

— Молчи-и-и! Не надо!.. Знаю, что хочешь сказать!... – И больной умолк».

Для нее и жизнь, и смерть мужа — только ряд новых тревог, новых лишений. «Чем я похороню его!» – вот что господствует в ее сердце над всякой жалостью.

Даже к себе самой она давно потеряла всякую жалость; как в голосе ее уже не умели звучать другие ноты, кроме бранчливых, так и в сердце ее могло теперь жить только одно озлобление.

Она умирает после уличного скитания с детьми, внезапно залившись кровью.

«Что? Священника? – кричит она привычным тоном сварливости, – не надо... Где у вас лишний целковый?.. На мне нет грехов!.. Бог и без того должен простить... Сам знает, как я страдала!.. А не простит, так и не надо!»

А вот ее последние слова:

«— Довольно!.. Пора!.. прощай, горемыка... Уездили клячу!.. Надорвала-а-сь! – крикнула она отчаянно и ненавистно и грохнулась на подушку».

Этим стоном ненависти и презрения не только к людям, к миру, к судьбе, но и к себе самой — сказано все.

По Е. Маркову

В 1865 году произошло крупное событие в истории борьбы с туберкулезом. Достоевский имел основание особенно интересоваться этой болезнью: его мать и его жена скончались от чахотки в сравнительно молодом возрасте. Вторая из этих смертей произошла незадолго до начала работы Достоевского над «Преступлением и наказанием»: Марья Дмитриевна Достоевская-Констант (по первому мужу Исаева), жена писателя с 1857 года, скончалась 15 апреля 1864 года. Смерть ее была глубоко пережита Достоевским. Память о Марье Дмитриевне и послужила романисту при создании образа Катерины Ивановны Мармеладовой.

В «Преступлении и наказании» изображено угасание и смерть Исаевой. Первую жену писателя мачеха Сони напоминает как своим внутренним обликом, так и наружностью. Достоевский писал о «страстном, мнительном и болезненно фантастическом характере» Марьи Дмитриевны: «что-то каждую минуту вновь оригинальное, здравомыслящее, остроумное, но парадоксальное, бесконечно доброе, истинно-благородное — рыцарь в женском платье».

По свидетельству А. Достоевской, «в лице Катерины Ивановны изображены многие черты характера Марьи Дмитриевны». В романе дан и внешний портрет супруги Мармеладова, очевидно списанный с покойной жены писателя в период ее медленной агонии.

В судьбе Катерины Ивановны воспроизведены различные обстоятельства из биографии первой жены Достоевского. Беспечная молодость, брак с горьким пьяницей, «нищета безнадежная», развитие чахотки, припадки злости и потоки покаянных слез — все эти черты Катерины Ивановны списаны с близкой натуры.

Сцена смерти супруги Мармеладова написана под впечатлением агонии первой жены Достоевского и даже отдельными выражениями напоминает описание этого печального события в письмах Достоевского.

«Насколько я могла судить по рассказам Федора Михайловича, – сообщала Анна Григорьевна, – а также родственников и знакомых его, последние два года Марья Дмитриевна была не вполне нормальна. О предсмертных приступах помешательства Марьи Дмитриевны говорил мне в 1867 году лечивший ее в Москве врач Александр Павлович Иванов...»

По Л. Гроссману